

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Джон Рёскин

СЕМЬ СВЕТОЧЕЙ
АРХИТЕКТУРЫ
♦
КАМНИ ВЕНЕЦИИ
♦
ЛЕКЦИИ
ОБ ИСКУССТВЕ
♦
ПРОГУЛКИ
ПО ФЛОРЕНЦИИ

Санкт-Петербург

УДК 72
ББК 85.11
Р 43

«Семь светочей архитектуры»

Перевод с английского
Натальи Лебедевой (главы II, III, V–VII, примечания),
Сергея Сухарева (предисловие, вводная глава, глава I),
Марии Куренной (глава IV)

«Камни Венеции»

Перевод с английского
Александры Глебовской (главы II, III, VII–XI),
Ларисы Житковой (главы I, IV–VI)

«Лекции об искусстве»

Перевод с английского Петра Когана

«Прогулки по Флоренции»

Перевод с английского Аделаиды Герцык
под редакцией Анны Обрадович

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © А. В. Глебовская, перевод, 2009
- © Л. Н. Житкова, перевод, 2009
- © М. В. Куренная, перевод, 2007
- © Н. Г. Лебедева, перевод, 2007
- © А. Г. Обрадович, примечания, 2007
- © С. Л. Сухарев (наследник), перевод, 2007
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-21007-3

СЕМЬ СВЕТОЧЕЙ АРХИТЕКТУРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1849 ГОДА

Заметки, составляющие основу нижеследующего очерка, сводились воедино при подготовке одного из разделов третьего тома «Современных художников»*. Поначалу я намеревался их расширить, однако если они способны принести практическую пользу, то вред от дальнейшего промедления с публикацией перевесил бы достоинства более тщательной систематизации. В этих моих записях, целиком опирающихся на личные наблюдения, может обнаружиться нечто, существенное и для опытного архитектора; что же касается высказанных на их основе суждений, то здесь я вынужден приготовиться к обвинениям в дерзновенности, каковую нельзя не приписать автору, берущему на себя смелость безапелляционно рассуждать об искусстве, которым он никогда профессионально не занимался. Бывают, однако, случаи, когда глубина переживания не позволяет молчать, а его сила не допускает впасть в заблуждение; категоричность навязана мне обстоятельствами: слишком тяжкие муки испытывал я от вида разрушенных или заброшенных зданий, особенно мне дорогих, и слишком страдал от вида новых, которые мне претят, чтобы с должной сдержанностью излагать доводы, побуждающие меня противостоять мотивам, каковыми руководствовались при порче существующих сооружений или при постройке новых. Я не старался умерить свою настойчивость в провозглаше-

---

* Чрезмерная задержка с выходом этого дополнительного тома вызвана была, главным образом, настоятельной потребностью, испытываемой автором, успеть собрать возможно более сведений о средневековых строениях в Италии и Нормандии, ныне уничтожаемых, до того времени, когда процесс разрушения будет окончательно завершён Реставратором или Революционером. Автор всецело оставался поглощён зарисовкой одной стороны здания, тогда как другая сносилась каменщиками; не в состоянии он и назвать какой-либо определённый срок публикации заключительного тома «Современных художников»; он может только поручиться, что причиной промедления никоим образом не явится его собственное бездействие. — *Примеч. авт.*

нии принципов, твердо мной разделяемых, поскольку в условиях противоречивости и разнобоя современных нам архитектурных теорий мне представляется плодотворным любое *позитивное* мнение, пусть во многом ошибочное, как бесполезны даже сорняки, если они растут на песчаном склоне.

Необходимо, однако, принести читателю извинения за вызванное поспешностью несовершенство иллюстраций. Поглощенный более существенной работой, я хотел сопроводить ими текст ради лучшего понимания хода мысли, однако порой не справлялся даже и с такой скромной задачей: строки, написанные до окончания рисунка, нередко с наивным восторгом превозносят величественную красоту того, что на картинке представлено неясным пятном. Буду признателен читателю, если он в подобных случаях отнесет мои восторги не к иллюстрации, а к собственно Архитектуре.

Все же, при всей их примитивности и схематичности, эти иллюстрации обладают определенной ценностью, являясь либо копиями набросков, сделанных с натуры, либо (рис. IX и XI) увеличенными и отретушированными дагеротипами, снятыми под моим наблюдением. К сожалению, высокое расположение окна, изображенного на рис. IX, выглядит неотчетливо даже на дагеротипе, и я не могу поручиться за точность воспроизведения деталей мозаики — в особенности тех, что окружают окно и, как мне представляется, выполнены в виде рельефа. Общие пропорции, впрочем, тщательно соблюдены, витки колонн сосчитаны, и впечатление от целого близко к оригиналу в достаточной для иллюстраций степени. За скрупулезность воспроизведения всего прочего я готов поручиться — вплоть до трещин в камне, как и за их число; и хотя небрежность рисунка и живописность, каковая неизбежно происходит из попыток изобразить старинные здания такими, каковы они на самом деле, могут, вероятно, породить сомнения в точности, эти сомнения не будут оправданы.

Система буквенных обозначений, принятая для тех немногих случаев, где показаны детали здания в разрезе, в ссылках может быть не совсем понятной, однако в целом она удобна. Линия, демонстрирующая направление разреза, если таковой симметричен, обозначена одной буквой, а сам разрез — той же буквой с черточкой наверху: а. —ā. Если же разрез несимметричен, его направление помечено двумя буквами ā. ā₂ на крайних точках, а сам разрез — теми же буквами с черточками наверху в соответственных крайних точках.

Читателя, вероятно, удивит немногочисленность зданий, на которые я ссылаюсь. Однако следует помнить, что ниже следующие главы есть лишь изложение принципов, проиллюстрированных двумя-тремя примерами, а не трактат о европейской архитектуре; в качестве примеров я обычно указываю либо на особенно любимые мной здания, либо на образцы архитектурных школ, которые, на мой взгляд, описаны менее подробно, нежели они того заслуживают. Я мог бы не менее обстоятельно, хотя и не так точно, как это позволили сделать мои собственные впечатления и зарисовки, проиллюстрировать развиваемые ниже принципы примерами из архитектуры Египта, Индии или Испании, нежели образцами романского и готического стиля в Италии, которые будут по преимуществу предложены вниманию читателя. Однако мои пристрастия, а равно и опыт сосредоточили мои интересы на богатом разнообразии и высокой одухотворенности художественных школ, что простираются обширным водоразделом христианской архитектуры от Адриатики до морей Нортумбрии, ограниченной лишенными особой чистоты школами Испании с одной стороны и Германии — с другой; высшими и главными достижениями этой цепи я полагаю, во-первых, города долины Арно, представляющие романику и чистую готику Италии; Венецию и Верону, где итальянская готика отчасти смешана с византийскими элементами; и Руан вкупе с нормандскими городами Кан, Байё и Кутанс, в которых мы находим ряд памятников северной архитектуры от романского стиля до пламенеющей готики.

Я желал бы представить больше примеров из нашей раннеанглийской готики, однако никогда не мог работать в наших холодных соборах, тогда как благодаря дневным службам, освещению и курениям в соборах на континенте работать сравнительно легко. Минувшим летом я предпринял паломничество к английским святыням, каковое начал с Солсбери, где после нескольких дней работы почувствовал себя нездоровым: этим мне и приходится оправдывать беглость и несовершенство предлагаемого очерка.

ВВОДНАЯ ГЛАВА

Несколько лет тому назад автор в беседе с художником, чьи творения являют собой, быть может, единственный в наши дни пример сочетания совершенного рисунка с великолепием колорита, задал ему вопрос: как легче всего достичь этой желанной цели? Ответ был столь же кратким, сколь и исчерпывающим: «Знайте, что вам нужно делать, — и делайте» — исчерпывающим не только применительно к той области искусства, о какой зашла речь; нет, здесь сформулирован великий принцип успеха во всех областях человеческой деятельности: по моему убеждению, неудача вызывается не столько недостатком способов или торопливостью, сколько неясностью представлений о том, что именно нужно делать, и потому если достойна осмеяния, а порой и порицания, попытка достичь совершенства в той или иной области, в то время как трезвое рассуждение показывает, что имеющимися средствами оно недостижимо, то куда более серьезной ошибкой будет, если мы позволим, чтобы оглядка на средства губила наш замысел или — это тоже случается — мешала нам признавать добро и совершенство как таковые. И это стоит особенно хорошо запомнить, так как человеческого разума и совести, подкрепленных Откровением, всегда достанет на то, чтобы, всерьез постаравшись, различить, что правильно, а что нет; однако ни разум, ни совесть, ни чувство не определяют предел возможного, ибо предназначены они для других целей. Человек не знает ни собственной силы, ни силы своих союзников, а также и того, насколько можно положиться на последних и какого противодействия ждать от противников. Вопрос еще и в том, что суждения человека бывают искажены страстью или ограничены невежеством, однако если то или другое заставит его забыть о долге или истине — в этом будет его собственная вина. Уяснив причины многих неудач, на какие обречены усилия разумных людей — особенно в политической области, я склонен думать, что проистекают они преимущественно именно из названного заблуждения, а не из про-

чих: прежде чем (а иногда и вместо того, чтобы) определить, что является абсолютно желаемым и справедливым, человек берется исследовать сомнительное, а то и необъяснимое соотношение своих возможностей, шансов, препятствий и необходимых усилий. Ничуть не удивительно, что порой слишком хладнокровный расчет наших возможностей слишком легко примиряет нас с нашими недостатками и даже ввергает в роковое заблуждение, заставляя предполагать, что наши намерения и предположения сами по себе достаточно хороши; иными словами, сама неизбежность сомнений делает их самих чем-то несомненным.

То, что справедливо по отношению к человеческому обществу, представляется мне в равной мере приложимым и к Архитектуре как общественному искусству. Я давно уже почувствовал необходимость ради его развития предпринять целенаправленные усилия с тем, чтобы извлечь из беспорядочного множества предвзятых традиций и догм, каковыми оно было обременено за время несовершенной и несвободной практики, основные неоспоримые принципы, применимые к любому периоду и любому стилю. Связывая технические и художественные элементы столь же существенно, как человеческая природа объединяет душу и тело, архитектура обнаруживает не меньшую неуравновешенность — предрасположенность к преобладанию низшего начала над высшим, к вмешательству конструктивного элемента в бесхитростную простоту мысли. С движением времени эта тенденция, подобно всякому другому проявлению материализма, возрастает, противопоставить же ей нечего, кроме критериев, основанных на частных прецедентах, уже утративших уважение ввиду своей обветшалости; если и не отвергаемые как тиранические, они очевидным образом непригодны для новых форм и функций архитектуры, которые диктуются настоятельными сегодняшними потребностями. Насколько многочисленными могут стать эти требования, предугадать трудно: необычные и неотступные, они сопровождают сегодня самую робкую попытку к обновлению. Насколько будет возможно им соответствовать, не принося в жертву основополагающие свойства искусства архитектуры, не подскажут ни расчеты, ни традиция. Нет ни закона, ни принципа, опирающегося на опыт прошлого, который не мог бы быть мгновенно опрокинут при возникновении нового условия или изобретения нового материала. Посему наиболее разумный (если не единственный) способ избежать опасности полного исчезновения всего систематического и последовательного в нашей практике

и отказаться от стародавних авторитетов, руководящих нашими суждениями, — это временно забыть о растущем множестве конкретных злоупотреблений, ограничений и требований и попытаться определить в качестве ориентиров для каждого нового предприятия некоторые постоянные, общие и незыблемые законы — законы, каковы бы они ни были, будучи основаны на природе человека, а не на его знаниях, обладали бы неизменностью первой и были бы устойчивы к накоплению или неполноте вторых.

Такие законы, вероятно, присущи не одному только отдельно взятому искусству. Сфера их влияния неизбежно обнимает всю совокупность человеческих дел. Однако они видоизменили формы и способы работы в каждой из ее областей, и размах их власти никоим образом нельзя расценивать как уменьшение их весомости. Некоторые стороны этих законов, принадлежащие первому из искусств, я попытался установить на нижеследующих страницах, и, поскольку, верно изложенные, они непременно должны не только охранять против всевозможных ошибок, но и стать мерилем успеха, я думаю, что не притязаю на слишком многое, именуя их Светочами архитектуры; не виню себя и в лености из-за того, что в попытках установить истинную природу и величие их пламени отказываюсь исследовать те слишком частые, иной раз занятные случаи, когда их свет искажается или пригашается.

Если бы такое исследование было предпринято, наша работа наверняка вызвала бы больше нареканий и, вероятно, многое утратила бы из-за ошибок, которых удастся избежать благодаря теперешней простоте ее плана. Но при всей простоте ее размах слишком велик, и придать ей должную завершенность было бы возможно, лишь посвятив данному труду время, которое автор не считал вправе отнять от изучения тех областей, в которое вовлекли его ранее предпринятые работы. Как распределение материала, так и терминология подчинены скорее соображениям удобства, нежели систематичности; первое — произвольно, вторая — непоследовательна; не претендует автор и на то, что здесь разобраны все — или хотя бы большая часть принципов, необходимых для процветания искусства архитектуры. Тем не менее, как заметит читатель, многие весьма важные принципы будут лишь упомянуты в ходе рассмотрения тех, которым в данном исследовании уделено основное внимание.

Более весомые извинения необходимы за гораздо более серьезный промах. Справедливо говорится, что нет ни одной области че-

ловеческой деятельности, чьи неизменные законы не имели бы тесной аналогии с законами, управляющими любой другой ее сферой. Более того: как только мы упрощаем для ясности и верности какую-то группу этих практических законов, обнаруживается, что они выходят за рамки простой связи или аналогии и становятся реальным выражением основного русла могущественных законов, которые правят нравственным миром. Сколь ничтожным и незначительным ни являлось бы то или иное действие, в хорошем его исполнении имеется некий аспект, ставящий его в один ряд с благороднейшими образцами мужественной добродетели; правда, решительность и сдержанность, каковые мы с благоговением чтим в качестве похвальных особенностей существа духовного, накладывают особый, характерный отпечаток на произведения рук человеческих, на движения его тела и на работу ума.

И если, таким образом, всякое действие — вплоть до начертания простой линии или произнесения одного-единственного слога — может обладать определенным достоинством в манере его совершения, что подчас мы одобряем, говоря, что это сделано правильно (правильна линия или верна интонация), то оно может обладать также достоинством и высшего порядка благодаря побуждению, которым оно вызвано. Не бывает действия столь мелкого и столь несущественного, которое не могло бы быть совершено ради великой цели и тем самым облагорожено; не бывает и цели настолько великой, что даже небольшие деяния не могли бы ей способствовать, а они могут совершаться с громадной для нее пользой, и в особенности если это главнейшая из всех целей — угождение Богу. Вот строки Джорджа Герберта:

Мыть пол за счастье те почтут,
Кто помнит Твой закон:
Ведь даже самый черный труд
Тобою освящен.

Следовательно, предлагая то или иное действие или способ его выполнения и настаивая на нем, мы выбираем из двух способов обоснования: один исходит из необходимости или внутренней ценности работы, зачастую ничтожной и всегда необязательной; другой основывается на ее связи с высшими порядками добродетели, на — если на то пошло — угодности ее Тому, кто есть начало всякого добра. Первый метод убеждает, второй решает; правда, кое-кому он может показаться святотатственным, поскольку прибегает

к столь весомым доводам, трактуя предметы, ценность которых невелика и преходяща. Я полагаю, однако, что нет заблуждения безрассудней подобного. Святотатство мы совершаем в тех случаях, когда изгоняем Господа из своих мыслей, а не тогда, когда ссылаемся на Его волю по мелким поводам. Лишь ограниченную власть и ограниченный разум нельзя тревожить по пустякам. О сколь бы мелком предмете ни шла речь, испрашивать водительства Божьего есть поступок почтительный, а действовать по собственному разумению — непочтительный; а то, что верно относительно Божества, в равной мере верно и относительно Божественного Откровения. Обращаться к Божественному Откровению как можно чаще — вот в чем состоит истинное его почитание; дерзость же, напротив, в том, чтобы действовать помимо него; кто чтит его, тот повсеместно его применяет. Мне ставили в вину фамильярное обращение со священными словами. Печально, если я кому-то причинил этим боль; оправдать себя могу только желанием, чтобы эти слова сделались основанием всякого обсуждения и критерием всякого поступка. Мы слишком редко их произносим, недостаточно хорошо помним, не слишком преданно следуем им в жизни. Снег, туман, буря исполняют Его слово. Неужели наши дела и мысли легковесней и необузданнее стихий — и мы его забываем?

Посему я отважился, рискуя придать некоторым пассажирам видимость непочтительности, сообщить аргументации более высокое направление там, где таковое явно прослеживалось; и — я просил бы читателя особенно принять это во внимание — не только потому, что считаю это лучшим способом достижения конечной истины, и еще менее потому, что полагаю затрагиваемый предмет гораздо более важным, нежели прочие, но потому, что всякий предмет непременно следует рассматривать — в такие времена, как нынешние, — или в подобном духе, или никак. Ближайшее будущее представляется мрачным и полным тайн; бремя зла, против которого мы должны бороться, возрастает, как напор водного потока. Нет времени для праздно-метафизики или развлечения искусстваами. Мирские богохульства звучат все громче, земные беды громоздятся день ото дня; и если в обстановке, когда всякий добродетельный человек изо всех сил старается заглушить кощунства и смягчить невзгоды, уместен будет призыв хоть единую мысль, хоть краткий миг, хоть мановение мизинца посвятить чему-либо иному, кроме самых насущных и тяжких нужд, то тогда нам надлежит, по крайней

мере, подойти к вопросам, которыми мы намерены занять читателя, в том духе, каковой стал привычен для его ума, а также в надежде, что час, потраченный на познание того, как предметы, на первый взгляд бездушные, безразличные или ничтожные, зависят в своем совершенствовании от священных принципов веры, истины и послушания, соблюдать которые он стремился всю свою жизнь, — этот час не уменьшит его усердия и не помешает его делам.

ГЛАВА I

Светоч Жертвы

I. Архитектура — это искусство располагать и украшать сооружения, воздвигаемые человеком для различных нужд, так, чтобы вид этих зданий способствовал укреплению душевного здоровья, придавал силы и доставлял радость.

Крайне необходимо с самого начала провести четкое разграничение между Архитектурой и Строительством.

Строить, то есть буквально — крепить, в общепринятом понимании означает соединить вместе и пригнать друг к другу части какого-либо сооружения или помещения значительного размера. Таковы церкви, жилые дома, экипажи, корабли. То обстоятельство, что одно сооружение стоит на земле, другое плывет по воде, а третье опирается на рессоры, не меняет природы названного искусства — если позволено к таковому причислить строительство. Профессионалы в данной области именуются строителями — храмовыми, судовыми и любыми прочими, в соответствии с избранным ими видом деятельности, однако прочность и устойчивость постройки еще не позволяют отнести ее к архитектуре: простое здание церкви, позволяющее с удобством разместить внутри нее необходимое количество верующих, участвующих в богослужении, столь же далеко отстоит от архитектуры, как и постройка удобного экипажа или способного быстро плыть корабля. Я не хочу сказать, что термин «архитектура» довольно часто — и в некоторых случаях не вполне оправданно — употребляют в таком смысле (например, применительно к кораблестроению), но в подобном толковании архитектура перестает быть разновидностью изящных искусств, а посему предпочтительнее обойтись без слишком широких определений, дабы не впасть в путаницу, которая неизбежно возникнет — и нередко возникала — при распространении принципов, принадлежащих сфере строительства, также и на сферу архитектуры в собственном смысле слова.

Поэтому давайте с самого начала ограничим область применения термина «архитектура» сферой того искусства, которое, допуская и используя требования и методы строительства, накладывает на создаваемые ею вещи свойства и качества быть чем-то прекрасным и достойным почитания, хотя и не являющиеся необходимыми. Никто, полагаю, не причислит к законам архитектуры требования, определяющие высоту бруствера или расположение бастиона. Но если каменный фасад бастиона снабдить неким излишеством наподобие лепного украшения в виде витого орнамента, то в этом мы и должны распознать собственно Архитектуру. Равным образом неосновательно причислять к архитектурным проявлениям зубцы на стенах крепостей, называемые также машикулями, поскольку они представляют собой всего лишь навесную галерею, поддерживаемую выступом с расположенными снизу отверстиями, использующимися в целях обороны и отражения противника. Но если снабдить низ этого выступа скругленной кладкой, что заведомо бесполезно, а вершины выемок сделать арочными, с орнаментом в виде трилистника, что тоже не имеет практического смысла, то это будет уже Архитектура. Не всегда легко провести разграничительную линию столь резко: есть здания, которые обликом или расцветкой не притяжали бы на архитектурные достоинства; не бывает и архитектуры, которая обошлась бы без строительства, а хорошая архитектура непременно предполагает отличное качество строительства; но ничуть не трудно — и совершенно необходимо — разграничить два эти понятия, осознать в полной мере, что понятие Архитектуры применимо только к тем свойствам зданий, которые находятся за пределами очевидной пользы. Я говорю «очевидной»: разумеется, здания, воздвигнутые во славу Господа или в честь героя, служат цели, достойной архитектурного убранства, но не такой цели, которая бы как-то ограничивала общий план или детали сооружения.

II. Итак, Архитектура как таковая естественно подразделяется на пять основных групп:

Культовая, то есть здания, возведенные во славу Господа и предназначенные для богослужений.

Мемориальная, включающая памятники и надгробия.

Гражданская: все государственные и общественные сооружения, предназначенные для обычного делопроизводства или для развлечений.

Военная, включающая в себя все оборонительные сооружения, находящиеся в общественной или частной собственности.

Жилая, включающая в себя все разновидности жилых домов.

Из тех принципов, которые я постараюсь здесь обосновать (хотя все они, как уже сказано, применимы к каждому периоду в развитии и к каждому стилю искусства архитектуры), иные — и в особенности те, что скорее восхищают, нежели служат руководством, — неизбежно теснее связаны с одним типом зданий, чем с другими, и среди таковых принципов на первое место я бы выдвинул тот духовный порыв, который хотя и может влиять на все типы, все же сильнее всего ощущается в мемориальной и культовой архитектуре, духовный порыв, побуждающий привлекать для строительства ценные материалы именно ввиду присущей им ценности, а не по причине их незаменимости — как жертвенное приношение, желанное нам самим. Мне представляется, что названное чувство не только совершенно отсутствует у тех, кто причастен к возведению современных культовых сооружений, но более того: многими из нас оно расценивается в ряду опасных и, возможно, даже крамольных принципов. Недостаток места не позволяет мне вдаваться в обсуждение многочисленных — и зачастую весьма лицемерных контраргументов, однако я надеюсь, что читателю достанет терпения, чтобы позволить мне изложить простые доводы, каковые убеждают меня в том, что названное чувство похвально и справедливо, что оно в той же бесспорной мере угодно Всевышнему и почетно для человека, в какой является необходимым подспорьем при постройке любого сколько-нибудь значительного сооружения, предназначенного для упомянутых нами целей.

III. Дадим, прежде всего, ясное определение тому, что мы назвали Светочем, Духовным порывом, Жертвою. Как я уже сказал, это движение души побуждает нас применять в строительстве самые дорогие материалы единственно ввиду присущей им ценности, а не по причине их полезности или незаменимости. Этот духовный порыв заставляет, к примеру, из двух мраморных изделий — равно пригодных, прекрасных и долговечных — выбрать более дорогое именно потому, что оно дорогое; а из двух украшений, одинаково впечатляющих, остановиться на более замысловатом, дабы оно, не уступая иным, являло бы собой нечто более совершенное и изобретательное. Такое отношение к делу может показаться крайне безрассудным энтузиазмом: или, если определить его менее негатив-

но, как противоположное преобладающему в наше время желанию достигать наибольшего результата с минимальными затратами.

Есть две формы жертвы: первая — это самоотречение как путь к достижению внутренней дисциплины, отказ от любимого и дорогого, не требующий взамен никакого отклика; вторая — желание воздать кому-то почести или же снискать благоволение высокой стоимостью принесенной жертвы. В первом случае действие свершается открыто или тайно, но чаще всего — и, вероятно, это совершенно естественно — тайно, тогда как во втором, как правило, на виду и демонстративно. Первоначально призыв к чистому самопожертвованию нам кажется бесполезным, тогда как, по сути, именно такая жертва нужна нам всегда и всюду гораздо больше, чем мы готовы признать и совершать. Однако, как я считаю, именно потому, что мы не думаем о такого рода жертве как о благе самом по себе, нам столь трудно пойти на него и в тех случаях, когда оно настоятельно необходимо; вместо того чтобы радостно ухватиться за представившуюся возможность, мы принимаемся взвешивать, насколько благо, даруемое нами другим, соизмеримо с тяготами для себя. Как бы то ни было, особо вдаваться в эту тему здесь нет нужды: те, кто готов к самопожертвованию, всегда найдут для этого более возвышенные и более плодотворные пути, помимо связанных с искусством.

Что касается второго направления, главным образом связанного с искусствами, оправданность жертвы вызывает еще большие сомнения; здесь она определяется нашим ответом на самый общий вопрос: действительно ли Бог может почитаться преподнесением Ему неких обладающих ценностью материальных предметов или обращенных к Нему рвения и мудрости, каковые не несут непосредственного блага людям?

Речь идет, заметим, не о том, отвечают ли красота и величие здания какой-либо моральной цели, и не о *результате* затраченного на него труда, но просто о высокой стоимости сооружения — воплощенной в материале, усердии и времени как таковых: спросим, являются ли они, вне зависимости от итога, допустимыми подношениями Богу, воспримет ли Он их поистине воздающими Ему славу? Пока мы пытаемся решить этот вопрос, опираясь на чувства, совесть или разум, ответ будет противоречивым или неубедительным; полноценный ответ возможен единственно при увязке с другим, совершенно иным вопросом: составляет Библия одну или

две книги, совпадает ли образ Всевышнего, представленный в Ветхом Завете, с Его образом в Новом Завете?

IV. Самая надежная истина заключается в следующем: хотя отдельные Божественные предписания, определенные свыше для особых надобностей в тот или иной период человеческой истории, могут в другой период той же самой Божественной властью отвергаться, немислимо, чтобы образ Господа, воплощенный в заветах прошлого, при отмене этого предписания мог бы измениться или восприниматься иначе. Бог един и неизменен, угодно или негодно Ему всегда одно и то же, хотя та или иная сторона Его благорасположения в одно время может быть выражена сильнее, нежели в другое, а способ, каким следует Ему угождать, может по Его же милости приспособляться к обстоятельствам смертных. Так, к примеру, было необходимо — для осознания человеком замысла Искупления — изначально упредить его образом кровавого жертвоприношения. Однако во времена Моисея подобное жертвоприношение было угодно Богу ничуть не более, чем ныне; Бог никогда не принимал никакой другой искупительной жертвы, кроме единственной — грядущей; мы не можем питать ни тени сомнения на этот счет: негодность всякой иной жертвы, нежели эта, провозглашена именно тогда, когда требовалась обычная распространеннейшая форма символического жертвоприношения, требовалась самым категорическим образом. Бог — это духовное начало, и почитать Его было возможно только в сфере духа и истины столь же безоговорочно, как в те дни, когда настоятельно предписывалась жертва сугубо традиционная и материальная, так и теперь, когда Он ждет от нас жертвы, приносимой только сердцем.

Наиболее надежный принцип, следовательно, таков: если известные нам обстоятельства, сопровождавшие характер исполнения любого ритуала когда бы то ни было, по рассказам или вследствие обоснованных умозаключений, некогда *угодны* Господу, то же самое будет угодно Ему во все времена, при исполнении всех обрядов, за исключением тех ситуаций, когда позднее выясняется, что ради некоторых целей по Его воле эти обстоятельства должны быть упразднены. Эти доводы обретут еще большую силу, если можно будет продемонстрировать, что подобные условия несущественны с точки зрения их земного смысла, а лишь добавлены к ритуалу, самому по себе угодному Господу.

V. Поставим вопрос: было ли обязательным для левитского жертвоприношения как символа или ради его пригодности в ка-

честве истолкования Божественного промысла, чтобы жертва обладала ценностью для того, кто ее приносил? Напротив, жертва, которую предвещало левитское жертвоприношение, должна была стать свободным даром Богу; и если предмет, в данном случае приносимый в жертву, стоил дорого или являлся редкостью, это отчасти затемняло смысл жертвоприношения, лишало его сходства с приношением, которое Бог дарует всем людям. Однако условием пригодности жертвы была, как правило, ее высокая стоимость: «...не вознесу Господу, Богу моему, жертвы, взятой даром»*. Высокая стоимость сделалась, следовательно, желаемым условием для всех людских подношений во все времена; ибо, если она была угодна Господу однажды, она должна быть угодна Ему всегда, если только впоследствии Он не наложит прямого запрета, чего так и не произошло.

С другой стороны, для образцовой полноты левитского жертвоприношения было ли необходимо приносить в жертву лучшего из стада? Безукоризненность жертвы, несомненно, делает ее особенно значительной для христиан; но была ли она столь выразительна именно потому, что такую жертву действительно и в столь многих словах требовал Господь? Вовсе нет. Божественное требование явно опиралось на те же основания, какими руководствовался бы земной повелитель, желая видеть в жертве доказательство уважения к себе. «Поднеси это твоему князю»**. А менее ценное подношение отвергалось не потому, что не символизировало Христа или не отвечало задачам жертвенности, но потому, что указывало на скупость со стороны жертвующего, утаивающего от Всевышнего лучшее из своей собственности, которую Он же и даровал; в глазах людей это выглядело прямой неблагодарностью. Отсюда следует неопровержимый вывод: какого рода приношения мы ни сочли бы резонным посвятить Господу (не уточняя, какие именно), условием их приемлемости ныне, как и прежде, является то, что жертвуется самое лучшее.

VI. Но далее: были ли необходимы для правил обрядности, по Моисею, изощренная искусность и пышность скинии или храма? Были ли необходимы для образцовой полноты того или иного традиционного ритуала голубые, пурпуровые, червленые драпировки? Медные крючки и серебряные подножия? Отделка из кедра, по-

* 2 Цар. 24: 24; Втор. 16: 17. — *Примеч. авт.*

** Мал. 1: 8. — *Примеч. авт.*

крытая золотом? Очевидно, по крайней мере, одно: во всем этом таилась огромная и страшная опасность — опасность того, что Бог, столь ими почитаемый, может связаться в умах египетских рабов с теми богами, которым, как они видели, делали сходные подношения и воздавали сходные почести. В наши времена вероятность чувств католика по сравнению с опасностью симпатии, проявленной израильтянином к язычнику-египтянину¹, ничтожна, однако та опасность вовсе не была гипотетической и недоказанной: она роковым образом воплотилась грехопадением в тот месяц, когда они были предоставлены сами себе реально добровольной изменой в продолжение целого месяца, — уступкой греху самого раболепного идолопоклонства, сопровождавшегося, однако, такими подношениями кумиру, какие их вождь очень скоро повелел посвящать Господу. Эта опасность была неотвратимой, постоянной и самого грозного свойства: именно против нее Бог предостерег не только посредством заповедей, угроз и посулов — настоятельнейших, внушительных и неоднократных, но и через временные предписания, столь ужасные, что они едва ли не затмили в глазах избранного Им народа присущее Богу милосердие. основополагающий смысл каждого учреждавшегося внутри данной теократии закона, Божьего покровительства, каким пользовалось это государство, сводился к свидетельству о ненависти Всевышнего к идолопоклонству — ненависти, сопровождавшей израильтян на каждом шагу во время их скитаний, написанной кровью хананеев, но еще более суровой во мраке их отчаяния, когда дети и грудные младенцы умирали от голода на улицах Иерусалима, а львы умерщвляли свои жертвы в городах Самарийских*. И все же предостережение против этой смертельной опасности было облечено не в ту форму, каковая человеческому разумению представлялась бы наиболее простой, естественной и действенной, — то есть изъятием из почитания Божественного Существа всего того, что могло тешить чувства, давать пищу воображению или привязывать идею Божества к определенному месту. Этот путь Бог отверг, требуя для Себя таких почестей и принимая для Себя такое местное обиталище, какие посвящались идолам язычниками. Так как же это можно объяснить? Было ли великолепие скинии необходимо для того, чтобы представить величие Господа и образ Его избранному народу? Как! Нужны ли пурпуровая и червленая шерсть народу, видевшему великую египет-

* Плач 2: 11; 4 Цар. 17: 25. — *Примеч. авт.*

скую реку алой от крови после наложенного Им проклятия? Как! Разве светильник из золота и золотой херувим необходимы тем, кто видел громы и пламя окутавшими мантией гору Синай, куда был открыт доступ их смертному законодателю? Как! Разве серебряные крючки и связи необходимы тем, кто видел расступившиеся воды Чермного моря, когда влага встала, как стена, и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова? Нет — не так.

Обоснование было одним-единственным и непреходящим: поскольку Завет, заключенный Богом с людьми, сопровождался неким внешним знаменем как свидетельством его постоянства и постоянства памяти о Нем, то и принятие этого Завета также должно было быть выражено и отмечено со стороны смертных неким внешним обозначением их любви и покорности, знаком подчинения их самих и их воли воле Божией; а их благодарность Творцу и неизменная память о Нем могли бы найти выражение в качестве постоянного доказательства верности не только закланием первородного из скота, не только приношением земных плодов и десятины, но и всех сокровищ мудрости и красоты: мысли плодотворной и руки трудолюбивой, богатства дерева и тяжести камня, прочности железа и сияния золота.

И давайте же отныне не упускать из виду этот всеобщий и неизменный принцип — можно сказать, и не подлежащий отмене до тех пор, пока люди будут получать земные дары из рук Господа. Ото всего, чем они обладают, десятая часть должна посвящаться Ему, дабы не был Он ни в чем забыт: приношения искусства и богатства, силы и ума, времени и труда должны вручаться с благоговением; и если существует некая разница между левитским и христианским жертвоприношением, то состоит она в том, что последнее может быть настолько же шире по охвату, насколько оно менее условно по смыслу, и суть его — благодарность вместо жертвенности. Уклонения со ссылкой на то, что Божество якобы не обитает ныне зримо в Своем храме, неприемлемы: если Бог невидим, то только вследствие упадка нашей веры; нельзя согласиться и с отговорками тех, кто утверждает, будто иные требования более насущны и даже более священны: исполняй и этот долг, и всякий другой тоже. Однако на данное возражение — столь же частое, сколь и шаткое — следует ответить более развернуто.

VII. Сказано — и это следует повторять как истину, — что лучшее и достойнейшее жертвоприношение Господу заключается, скорее, в оказании помощи беднякам, в распространении знаний о Нем,

в следовании добродетелям, освященным Его именем, более, нежели в вещественных дарах Его храмам. Это несомненно так: горе тем, кто помыслит, будто теми или иными видами и способами приношений можно заместить перечисленные выше! Нуждаются люди в месте для молитвы и в призывах внять слову Господа? Тогда незачем шлифовать колонны и украшать резьбой кафедру проповедника: давайте ограничимся простыми стенами и крышей над головой. Нуждаются люди в домашних проповедях и в хлебе насущном? Тогда нам потребны священники и пастыри, но не архитекторы. Я настаиваю на этом, молю об этом; но давайте пристально заглянем в себя: есть ли у нас действительные основания для медлительности с делом, требующим меньшего труда? Вопрос не в выборе между домом Господа и Его бедняками, но между домом Господа и Его Евангелием. Этот выбор — между домом Господа и нашим собственным. Разве нет у нас полов из цветной мозаики? Причудливых фресок на потолках? Изваяний, помещенных в коридорные ниши? Позолоченной мебели в жилых комнатах? Драгоценных камней в горках? Но была ли хотя бы десятая часть этого богатства принесена в жертву? Все это — знаки (или таковыми они должны быть) достаточной меры богатства, уделенного великим целям человеческой деятельности, остаток которого возможно потратить на предметы роскоши, однако помимо эгоистического наслаждения роскошью существует и другое, более величественное и похвальное, а именно — способность поставить некую долю этого богатства на службу священным целям, принести ее в память* того, что как наше удовольствие, так и наш труд освящены воспоминанием о Нем, давшем нам и силы, и воздаяние. До тех пор пока это не будет осуществлено, мне неясно, как можно владеть подобной собственностью со спокойной душой. Мне непонятно стремление, побуждающее перекрывать аркой вход в наши дома и мостить крыльцо, оставляя в церкви узкие двери и стертый подошвами порог; стремление украшать наши жилища всевозможными дорогостоящими вещами и вместе с тем мириться с голыми стенами и скудным убранством храма. Делать столь суровый выбор приходится нечасто, нечасто требуется и столь большое самоотвержение. Встречаются особые случаи, когда душевное равновесие и умственная активность человека зависят от определенного уровня роскоши в его домашней обстановке, но тогда это подлинная роскошь,

* Числ. 31: 54; Пс. 76: 12. — *Примеч. авт.*

которая приносит чувственное наслаждение и хорошо окупается. Во множестве других примеров ни о роскоши, ни о наслаждении ею речь не идет: обычные ресурсы среднеобеспеченного человека не позволяют никаких излишеств, а доступные блага удовольствия не доставляют, и без них вполне можно обойтись. В нижеследующих главах будет показано, что я вовсе не ратую за убожество частных жилищ. Я с радостью придал бы им всяческое великолепие, красоту и ухоженность, где только это возможно; однако отвергаю бесполезные траты на никем не замечаемые ухищрения и прикрасы: потолки с карнизами и двери с имитацией дорогих пород дерева; занавеси, отделанные бахромой, — и тысячи подобных ненужностей; эти предметы вздорным и бессмысленным образом сделались привычными; от их повседневного использования зависит существование целого ряда ремесел, но сами они не доставляли ни единого проблеска радости и не влекли за собой даже малейшей надобности; стоящие половину жизненных трат, они лишают жизнь огромной доли комфорта, мужественности, респектабельности, свежести и удобства. Говорю, опираясь на собственный опыт: я знаю, что значит жить в хижине с деревянным полом и дощатой крышей и с очагом из слюдяных плит, и уверен, что такая жизнь во многих отношениях гораздо здоровее и счастливее, нежели жизнь между турецким ковром и позолоченным потолком, близ каминной решетки из полированной стали. Не возьмусь утверждать, будто эти предметы обихода всегда неуместны и неправомерны, однако хочу настойчиво подчеркнуть, что десятой части расходов на тщеславные домашние причуды, порой совершенно бессмысленно потраченных на дополнительные неудобства, оказалось бы достаточно для строительства на общие взносы церквей из мрамора во всех городах Англии; такая церковь, радуя взоры даже случайных прохожих, озабоченных повседневными делами, даровала бы благодать и всем, кто только ее завидит, когда возвышалась бы она над скромными крышами, крытыми красной черепицей.

VIII. Я сказал: во всех городах, но я вовсе не призываю строить церкви из мрамора в каждой деревушке; для меня построение богатой церкви — вовсе не самоцель; мне важен духовный порыв, побуждающий ее строить. Церковь совершенно не нуждается в какой бы то ни было внешней пышности: ее сила не в пышности, — напротив, незапятнанная чистота церкви в определенной степени ей противоположна. Простота приходского алтаря притягательнее величия городского храма, и едва ли это величие могло когда-либо

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬ СВЕТОЧЕЙ АРХИТЕКТУРЫ

Предисловие к изданию 1849 года. <i>Перевод С. Сухарева</i>	7
Вводная глава. <i>Перевод С. Сухарева</i>	10
Глава I. Светоч Жертвы. <i>Перевод С. Сухарева</i>	16
Глава II. Светоч Истины. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	36
Глава III. Светоч Силы. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	71
Глава IV. Светоч Красоты. <i>Перевод М. Куренной</i>	103
Глава V. Светоч Жизни. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	151
Глава VI. Светоч Памяти. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	177
Глава VII. Светоч Повиновения. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	196
Примечания. <i>Перевод Н. Лебедевой</i>	210

КАМНИ ВЕНЕЦИИ

Перевод А. Глебовской, Л. Житковой

1. Каменоломни	219
2. Трон	244
3. Торчелло	248
4. Мурано	259
5. Собор Св. Марка	268
6. Византийские дворцы	290
7. Сущность готики	316
8. Готические дворцы	345
9. Дворец дождей	378
10. Ранний ренессанс	423
11. Римский Ренессанс	438
Заключение	458

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКЦИИ ОБ ИСКУССТВЕ

Перевод П. Козана

Предисловие к изданию 1887 года	465
Лекция I. Введение	467
Лекция II. Отношение искусства к религии	488
Лекция III. Отношение искусства к нравственности	503
Лекция IV. Отношение искусства к пользе	521
Лекция V. Линия	539
Лекция VI. Свет	554
Лекция VII. Цвет	573

ПРОГУЛКИ ПО ФЛОРЕНЦИИ

Перевод А. Герцык

Предисловие к первому изданию	585
Первое утро. Санта-Кроче	586
Второе утро. Золотые ворота	599
Третье утро. Перед султаном	616
Четвертое утро. Библия под сводами	637
Пятое утро. Тесные ворота	651
Шестое утро. Пастушья башня	671
Примечания	691

Рёскин Дж.

Р 43 Семь светочей архитектуры ; Камни Венеции ; Лекции об искусстве ; Прогулки по Флоренции / Джон Рёскин ; пер. с англ. А. Глебовской, А. Герцык, Л. Житковой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 704 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-21007-3

Джон Рёскин (1819–1900) — знаменитый английский историк и теоретик искусства, оригинальный и подчас парадоксальный мыслитель, рассуждения которого порой завораживают точностью прозрений. Искусствознание в его интерпретации меньше всего напоминает академический курс, но именно он был первым профессором изящных искусств Оксфордского университета, своими «исполненными пламенной страсти и чудесной музыки» речами заставляя «глухих... услышать и слепых — прозреть», если верить свидетельству его студента Оскара Уайльда.

В настоящий сборник вошли основополагающий трактат «Семь светочей архитектуры» (1849), монументальный трактат «Камни Венеции» (1851–1853, в основу перевода на русский язык легла авторская сокращенная редакция), «Лекции об искусстве» (1870), а также своеобразный путеводитель по цветущей столице Возрождения «Прогулки по Флоренции» (1875).

УДК 72
ББК 85.11

Литературно-художественное издание

ДЖОН РЁСКИН
СЕМЬ СВЕТОЧЕЙ АРХИТЕКТУРЫ
•
КАМНИ ВЕНЕЦИИ
•
ЛЕКЦИИ ОБ ИСКУССТВЕ
•
ПРОГУЛКИ ПО ФЛОРЕНЦИИ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Наталья Бобкова, Светлана Федорова, Валентина Гончар,
Елена Терскова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.06.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 44. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-NFB-29938-81-R